

СТУДЕНТ СТАНОВИТСЯ РЕЖИССЕРОМ

ПУТЬ К ПРИЗВАНИЮ не всегда начинается там, где человек сторонний видит первые вехи его. Вот тогда он начал становиться художником, педагогом, изобретателем, режиссером... Вот кончил школу с твердым намерением поступить в институт, именно в этот, и никакой другой; поступил и окончил; первый спектакль, первый урок, первая стройка...

Точно отметить начало этого пути трудно — там ли оно, где впервые смастерил пузатый игрушечный кораблик или, надепив бабушкины очки, стал показывать чинному полукругу сверстников «Азбуку», или дальше, когда, сшибаясь с трудностями, уже четко уяснил себе собственное стремление, набивая синяки, шел дальше.

Важно здесь одно — что призвание зрело все это время. Что институтская скамья стала не началом неизданного пути, а продолжением и даже каким-то итогом его.

Так оно было и есть у Гурама Черкезшвили, студента-третьекурсника режиссерского факультета Тбилисского театрального института. Его путь в театр, если пометить его приметами внешними, не поразит прямоотой и четкой определенностью. Учился в педагогическом, кончил и только потом пошел в театральный. Но не «только потом» этот путь начался. Можно было бы вспомнить самостоятельные школьные спектакли, в которых он, школьник, — и режиссер, и актер, и зритель. Но Гурам сам скидывает это со счетов — не потому, что не серьезно, просто тогда это шло больше не от самого, а от общего школьного увлечения. Своя же дорога начинается там, где человек выбирает сам, а выбрав — почувствует свою ответственность, пусть на первых порах и не по силам, самостоятельность, пусть сначала и больше кажущуюся.

Так было, когда Гурам взялся за постановку розовской пьесы «В добрый час» в самостоятельности Пушкинского института. И не случайно именно с этого времени ведет счет своему пути.

Понятно — многое, да почти все, делалось тогда вслепую, больше по интуиции, и «режиссерство» состояло в таких указаниях — стань там, пройди туда, громче, тише... Но вдруг оказалось, что не так-то просто направить «туда» и объяснить, «почему» и «как» говорить громче и тише. И тогда бросался к книгам, пробовал с налету осилить всего Станиславского.

Понемногу укладываться все стало только в ТЮЗе. Не оставляя мечту о режиссерстве, делался актером. Здесь на себе почувствовал, что значит для актера, особенно для актера начинающего, умное, тактичное участие режиссера. Тогда же вынес убеждение: «закалка сценой» — необходимый этап для режиссера.

Поэтому актерская работа в ТЮЗе была не отступлением от цели, а приближением к ней. Истина эта, преподаваемая в институте новичку, конечно, была бы усвоена. Но когда добираться до нее сам, проверяешь собственным опытом, она — открытие. А без открытий нет художника.

В театральной студии ТЮЗа Гурам уже вплотную столкнулся с режиссурой — работал ассистентом режиссера.

Снова вернулся к любителям. Организовал в Октябрьском районе молодежный театр. Играть в нем старшеклассники. Некоторые из них избрали потом театр главным делом жизни, учатся теперь в Ленинградском театральном, в студии МХАТ, в театральном институте Тбилиси. Нет, Гурам не приписывает эту заслугу себе. Но когда через некоторое время он стал руководить самостоятельным театром в Доме офицеров, многие из прежнего коллектива потянулись за ним.

Трудно выделить главные по важности

этапы этого пути. Все они — звенья одной цепи. Эта цепь событий, мыслей, поисков логически привела Гурама к порогу театрального института.

Шесть лет практической работы сделали цель, ясной и четкой. Гураму давно нравились спектакли в постановках Михаила Туманишвили. И это не каприз, что он долго ждал, когда в институте будет набираться группа под его руководством. В 62-м году набор был объявлен.

И в первые же дни занятий Гурам с благодарностью вспомнил практические урски всех шести лет. Теперь они пригодились как нельзя больше. Импровизационный метод работы, предложенный Михаилом Туманишвили, требовал выдумки, наблюдательности, умения схватывать главное в событии, передавать это главное ярко, наглядно. И здесь сильно помогла та самая «сценическая закалка» Гурама, как, впрочем, и всех остальных в группе. И пусть рушились сложившиеся на практике представления о режиссуре — теперь и сама практика осмысливалась по-новому. Да, практика предваряет теорию. Но актер, режиссер, довольствующиеся только практикой, никогда не вырастут в художника настоящего.

Учиться у Туманишвили, считает Гурам, — это учиться творчеству. Азы театрального искусства предполагаются уже известными. Поэтому каждое занятие — настоящее открытие мира, искусства, каждое — своеобразный спектакль, построенный на увиденном, услышанном и оцененном студентами. Вот несколько примеров таких занятий.

Прочитать новеллу, небольшой рассказ, написанные самим, и тут же переложить их на сценический язык, язык действия. «Те-

атр — это искусство действия», — любит повторять режиссер. Языком действия говорят на занятиях.

На первом курсе всей группой вели дневник — каждый должен был рассказать о целом дне через какое-нибудь событие и так, чтобы его можно было показать, сыграть.

Самостоятельность требовалась и воспитывалась с первого же курса. Дальше она стала неперенным условием работы.

Чтобы не получалось так: в институте — интереснейшие занятия, отличные успехи, все тебе условия — твори, выдумывай, пробуй! А вышел из института — споткнулся на первом ухабе, и разлетелись благородные идеи, планы новаторских преобразований, и творческое вдохновение куда только девалось...

Гурам уже сейчас уверен: ни с ним, ни с его товарищами этого быть не может — воспитание не тепличное. Самостоятельность во всем — от выбора пьесы, если нужно, перевода ее, эскизов декораций, музыкального оформления — и до плотничанья и столярничанья. Самостоятельность, однако, постоянно контролируемая, — иначе это не было бы учебой.

Когда пришло время выбирать пьесу для самостоятельного спектакля, каждый по очереди предстал перед «судом», защищая свой выбор, замысел (вот еще один пример занятия — импровизированного спектакля: играя, думать и действовать всерьез).

Творческая лаборатория студента Гурама Черкезшвили уже сейчас выносятся на сцену. Это не только курсовые спектакли (недавно он показал арбузовскую «Таню»). Это еще каждодневная работа на сцене молодежного театра Дома офицеров. Все, полученное на занятиях, воплощается в этих постановках. Проверяется, обогащается, утверждается. Студент становится режиссером. Становится им уже сегодня.